

Элла Россман

От социализма к социальным медиа:

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Ella Rossman

From Socialism to Social Media: Women's and Gender History in Post-Soviet Russia

Элла Россман (Университетский колледж Лондона, школа славянских и восточноевропейских исследований, докторант)
ella.rossman.21@ucl.ac.uk

Ella Rossman (Doctoral Student, School of Slavonic and East European Studies, University College London) ella.rossman.21@ucl.ac.uk

Ключевые слова: социальные науки в России, гендерные исследования в России, женская и гендерная история

Key words: social sciences in Russia, gender studies in Russia, women's and gender history

УДК: 316

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_146

UDC: 316

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_146

В России женская и гендерная история начала развиваться в 1990-е, а институционализироваться — в 2000-е и 2010-е годы. На протяжении всего этого периода ее развитие тормозили неблагоприятные внутриакадемические и общественно-политические условия. В статье анализируются стратегии легитимации женской и гендерной истории, использованные в таких условиях для создания нового научного поля. Среди таких стратегий 2000-х годов — апелляции к масштабу, географии и связи с «обобщенным Западом», подчеркивание практического значения женской и гендерной истории и ее связи с классическим наследием гуманитарных и социальных наук. Если ученые этого поколения имели мало общего с активизмом и были не особенно активны в медиа, то в 2010-е годы исследователи стали приходить к женской и гендерной истории через феминистский активизм, обращаясь, чтобы утвердить свой академический авторитет, к социальным медиа и журналистике.

Women's and gender history in Russia has been developing since the 1990s and began to be institutionalized in the 2000s and 2010s. Throughout that period, unfavorable intra-academic and sociopolitical conditions hindered its development. This article analyzes the strategies for legitimizing women's and gender history applied to establish a new field under these conditions. In the 2000s, these strategies included appeals to scale, geography, and a connection with the "generalized West," as well as highlighting the practical significance of women's and gender history and its connections to the classical heritage of the humanities and social sciences. Whereas scholars of this generation had little to do with activism and were not particularly active in the media, researchers in the 2010s started coming to women's and gender history by way of feminist activism and turning to social media and journalism to establish their authority within the academy.

1. Введение

В 2020 году российские гендерные исследования отметили тридцатую годовщину открытия первой научной лаборатории с термином «гендер» в названии². За эти тридцать лет гендерные исследования в России проделали нелегкий путь: от формирования исследовательского поля до его институцио-

1 Перевод публикуется с дополнениями и правками, внесенными автором статьи.

2 Это была Лаборатория гендерных проблем в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН в Москве; см.: [Хоткина 2020: 27].

нализации и от активного сотрудничества с государственными институциями и международными фондами до размежевания с ними. В настоящей статье я рассмотрю один раздел гендерных исследований — женскую и гендерную историю — и прослежу стратегии его легитимации в 2008—2019 годах. Как часть гендерных исследований женская и гендерная история развивалась на пересечении академии и политики, и последняя простиралась от политики государственной до феминистского активизма. Меня интересует, какие стратегии применялись учеными для утверждения авторитета в академических кругах и какую роль в этом процессе сыграли неакадемические факторы.

Для того чтобы понять трансформацию женской и гендерной истории, под которыми в русском контексте часто понимают одну дисциплину, важно рассмотреть истоки гендерных исследований в России. В 1990-е годы гендерные исследования развивались при поддержке как из-за рубежа, так и (в меньшей степени) со стороны российских институций. Интерес к гендерным исследованиям подпитывался отказом от цензуры в науке и общим интересом к новым, особенно условно «западным», методам и концептам в гуманитарных и социальных исследованиях. В России западные концепты соединялись с отечественными идеями, причем концепции из разных контекстов, заимствованные одновременно, перемешивались, меняя свой смысл и создавая эклектичное, фрагментированное поле профессиональной дискуссии [Temkina, Zdravomyslova 2003: 57].

При этом в 1990-е годы постсоветская гуманитарная наука пребывала в глубоком финансовом и кадровом кризисе. Из-за недостатка финансирования ученые покидали академию, а оставшиеся часто были вынуждены совмещать занятия наукой с подработками, нередко в качестве переводчиков, или трудиться на нескольких работах, преподавая как в академической среде, так и за ее пределами [Savelieva 2020]. В этих условиях теоретические дискуссии отличались непоследовательностью, а трансфер теорий нередко оказывался продиктованным скорее быстро меняющейся интеллектуальной модой, чем рефлексией над ней [Филиппов 2001; Dmitriev 2014].

Дополнительные неблагоприятные условия для гендерных исследований на постсоветском пространстве были мотивированы политическими процессами. Происходившие общественные изменения не привели к незамедлительному критическому пересмотру гендерных иерархий. Политики ельцинской эпохи «рассматривали женщин традиционно и инструментально» [Posadskaya 1994: 159] и не были готовы заниматься женской повесткой в отрыве от консервативного взгляда на женщин как прежде всего матерей и хранительниц очага [Temkina, Zdravomyslova 2003: 55]. Власти выступали против советского проекта гендерного равенства, и консервативные представления о семье мешали им критически переоценить гендерную и семейную политику и поддерживать гендерные исследования. Созданная в 1994—1995 годах фракция Госдумы «Женщины России» получила 8% мест, но их чрезвычайно специфическая повестка была направлена на социальную защиту семей и поддержку женщин в бизнесе, а не борьбу за права женщин в целом. Распространенным было мнение, что большевики уже «освободили» женщин и эта проблема больше не требует внимания, отчего интерес к женским правам был небольшим и социальный запрос на гендерные исследования, соответственно, очень низким [Пушкарева 2010: 62]. Немногочисленные независимые феминистские группы в стране, продвигавшие эту повестку, по большей части действовали вне пра-

вительственного сектора. Феминистский дискурс воспринимался как либо ненужный (поскольку опять же в Советском Союзе женщины уже были «освобождены»), либо чуждый (связанный с «западными» идеологиями) [Зверева 2001]. Кроме того, в самой идее обсуждения прав женщин многие видели наследие идеологии репрессивного советского режима — и в качестве альтернативы предлагали возврат к более традиционному распределению ролей как в семье, так и в обществе.

Перед лицом весьма неблагоприятных условий или, возможно, как раз в порядке реакции на них представители новой дисциплины гендерных исследований решили перенести термин «гендер» в русистику. Это был интригующий новый концепт с западным ореолом, в то же время никак не связанный и не ассоциируемый с социалистическим дискурсом о проблемах женщин. На лингвистическом уровне термин «гендер» позволил отделить гендерные исследования от негативных коннотаций как с советской политикой в отношении женщин, так и с обсуждением так называемого женского вопроса [Posadskaya 1994: 164].

В условиях 1990-х гранты от иностранных фондов (Форда, Сороса, Макаруров, Эберта и т.д.) были немногочисленными источниками средств для развития гендерных исследований в России. Примечательно, что в 1990-е и начале 2000-х годов гендерные исследования активно развивались не только в обеих российских столицах, но и в других регионах России. Локальные центры гендерных исследований возникли в Иванове, Твери, Петрозаводске, Самаре и других крупных и небольших городах. Тематика тоже расширилась, включив вопросы, связанные с такими «нетрадиционными» ценностями, как права ЛГБТ+, бездетные партнерства, полиамория и т.д. Однако начиная с 2000-х годов гендерным исследованиям в России пришлось бороться с консервативным поворотом во внутренней, в частности семейной, политике, а также с фундаменталистскими нападками на феминистскую повестку и всем, что рассматривается как часть «нетрадиционных» ценностей [Здравомылова 2010]. Политический климат внутри страны и в сфере отношений с другими государствами изменился, и по контрасту с 1990-ми годами сегодня российские власти не выказывают почти никакого желания включаться в международный диалог о гендерных проблемах [Titarenko, Zdravomyslova 2017: 128]³, а при принятии решений ссылаются на гендерные исследования лишь изредка и фрагментарно [Кочкина 2007: 105—108]. Гендерные исследования, как правило, испытывают значительные проблемы с финансированием. Получить зарубежное финансирование стало очень трудно после принятия в 2012 году закона об организациях — «иностранных агентах»⁴, а российские финанси-

-
- 3 Немногочисленные проекты, реализуемые в этой области после публикации настоящей статьи, касаются скорее семей и детей, чем женщин и гендерного равенства. Например, мероприятия в рамках Национальной стратегии действий в интересах женщин, действующей в России с 2017 года, по большей части посвящены репродуктивному здоровью женщин и направлены на стимулирование деторождения. Тем не менее программа также включала меры поддержки женщин в бизнесе, математике и других науках, однако меры эти спорадические и явно недостаточные для страны с населением в 140 миллионов человек. Многие из них выглядят чисто декоративными.
- 4 13 июля 2012 года Россия приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях», согласно которым некоммерческие российские организации, вовлеченные в политическую деятельность и получающие финансирование из-за рубежа, должны

рующие организации часто отказываются поддерживать подобные проекты. В сегодняшней России институциональная среда гендерных исследований даже еще более неблагоприятна, чем в 1990-е годы. Несмотря на это, они продолжают развиваться и завоевывают интерес широкой публики в контексте новой волны российского феминизма.

Важно подчеркнуть, что разные разделы гендерных исследований развивались в разных условиях. В литературе по истории российских гендерных исследований пока мало написано о специфике развития каждой отдельной области внутри них, в основном речь идет об истории всего поля в целом⁵. Наиболее восприимчивой к новым теориям и методам российской дисциплиной оказалась социология. Исследователи и студенты-социологи, интересующиеся гендерными исследованиями, по сравнению с принадлежащими к другим дисциплинам учеными, студентами и аспирантами находятся в лучшем положении. В то же время сама социология занимает значительное место в дискурсивном поле российских гендерных исследований [Liljeström 2016: 141]. К сожалению, академическое литературоведение, которое значительно способствовало развитию феминистских исследований в других постсоциалистических странах, в России остается для них в большей степени закрытым. Менее однозначная картина наблюдается в истории: в 1990-е годы возникла сильная научная школа, чья повестка, однако, становилась со временем все более размытой.

Ниже я сосредоточусь именно на субполе женской и гендерной истории, которое в исследовательской литературе о судьбе российских гендерных исследований до сих пор по большей части обходили вниманием. Я покажу трудности, с которыми столкнулись специалисты по женской и гендерной истории в России, и стратегии, которые они использовали, если прибегнуть к терминологии Пьера Бурдьё, для легитимации своего исследовательского поля. Мой анализ работы Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ; см. таблицу) показывает: необходимость легитимации непризнанного, нового исследовательского поля в контексте консервативной исторической дисциплины, особенностей российской академической среды и текущей политической ситуации в России во многом определила характер этих конференций в целом и некоторые их специфические практики в частности. Я выделяю пять основных риторических и организационных стратегий, при помо-

получать статус «иностранный агент». В 2017 году к таким организациям были причислены и медиа, а недавно в перечень «иностранных агентов» стало возможным включать и частных лиц, сотрудничающих с «иностранными агентами». Организации, получившие статус «иностранный агент», обязаны зарегистрироваться в качестве таковых в Минюсте, который осуществляет контроль за «иностранными агентами», и демонстрировать этот статус во всех своих публикациях и онлайн-материалах. Несоблюдение этого требования может повлечь внушительный штраф; целая организация даже может быть закрыта. С момента принятия закона ряд исследовательских центров уже были заклеены как «иностранные агенты». Некоторые из них были (и остаются) вовлечены в гендерные исследования, например Центр социальной политики и гендерных исследований в Саратове (получил статус в 2013-м, ликвидирован в 2014 году), Самарский центр гендерных исследований (получил статус в 2015-м, ликвидирован в 2020 году), Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (получил статус в 2015 году), Ивановский центр гендерных исследований (получил статус в 2021 году).

5 См., в частности: [Здравомыслова 2010; Хоткина 2020; Garstenauer 2018; Liljeström 2016; Posadskaya 1994; Titarenko, Zdravomyslova 2017].

щи которых специалисты по женской и гендерной истории первого поколения пытались утвердить ее место в чрезвычайно политизированном контексте постсоветской академии. Эти стратегии были направлены на укрепление области в академических кругах (апелляция к масштабу, апелляция к географии, апелляция к классикам, связь с условной западной академией) и представление ее экспертов как заслуживающих политического доверия (установление практической полезности женской и гендерной истории для социальной политики). Новое поколение исследователей использует иные стратегии, завоевывая авторитет вне академии с намерением перенести его внутрь нее.

Таблица. Темы ежегодных конференций РАИЖИ и количество сборников (томов), выпущенных после каждого мероприятия (2008—2019)

Год	Город	Название	Томы
2008	Санкт-Петербург	Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра	1
2009	Петрозаводск	Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы	1
2010	Череповец	Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем	2
2011	Ярославль	Частное и общественное: гендерный аспект	2
2012	Тверь	Женщины и мужчины в контексте исторических перемен	2
2013	Нальчик	Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее	2
2014	Рязань	Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем	2
2015	Старый Оскол	Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне	3
2016	Смоленск	Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур	2
2017	Архангельск	Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем	3
2018	Нижний Новгород	Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах культурной урбанизации XIV—XXI веков	2
2019	Калининград	Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего	2

Особенно полезной для концептуализации борьбы агентов за легитимацию и преодоления интерналистского взгляда на динамику становления дисциплины оказывается теория поля Пьера Бурдьё [Bourdieu 1976]⁶. Труды французского социолога, особенно его работа 1976 года о поле науки, делают возможным углубление в детали, включая связанные с индивидуальными и коллективными идеологическими стратегиями, применяемыми теми, кто развивает новое на-

6 Об интерналистском взгляде см.: [Stichweh 1984]; обсуждение см. в: [Ash 2019].

правление исследований в определенном академическом и социополитическом контексте. В моем случае теория Бурдьё позволяет описать, как женская и гендерная история лавирует между стратегиями внешней и внутренней легитимации (внутри поля социальных наук и за его пределами) в борьбе за научный авторитет, если воспользоваться термином Бурдьё⁷.

Для описания интересующего меня случая методология Бурдьё подходит особенно хорошо: она подсвечивает, как агенты новой дисциплины, заимствованной из-за рубежа и развиваемой в неблагоприятных условиях консервативного поворота, легитимировали свои идеи в локальном контексте. Специфике переноса гендерных исследований в Россию посвящено немало статей⁸, но меня интересует аспект, который еще не попадал в фокус критического рассмотрения: что случилось с женской и гендерной историей после ее институционализации в России. Здесь Бурдьё помогает в общих чертах описать взаимодействие акторов внутри этого научного поля и за его пределами — а также проследить изменения в этом взаимодействии за последние пять лет, когда российские ученые столкнулись одновременно с путинским консервативным поворотом и расцветом новых социальных медиа.

2. Женская и гендерная история в России (1990—2010-е годы)

В современных российских университетах и исследовательских институтах гендерная история по-прежнему занимает маргинальное положение [Пушкарева 2002: 36—37]. В России до сих пор нет ни одной бакалаврской, магистерской или аспирантской программы по женской и/или гендерной истории, и лишь редкие программы содержат обязательные или хотя бы факультативные курсы по этой теме⁹. Профессиональное сообщество историков полно предрассудков относительно всего, что как-либо напоминает о феминизме. Среди историков преобладает позитивистский подход, теоретизирование в целом не приветствуется, а якобы постмодернистский характер гендерных исследований порождает еще одно предубеждение против них [Савкина 2007]. Вплоть до конца 2000-х годов женская и гендерная история оставалась не вполне институционализированной, но за последние двадцать лет представители этого поля многое сделали для его развития.

В России дискуссии о женской и гендерной истории, как и дискуссии о гендерных исследованиях вообще, развернулись в 1990-е годы. В отличие от случая с гендерными исследованиями в целом, институционализация гендерной истории как отдельной дисциплины происходила в процессе консервативного поворота 2000-х. В 2002 году Наталья Пушкарева, ключевая фигура в развитии женской и гендерной истории в России, опубликовала статью с описанием детальной стратегии разработки этой дисциплины [Пушкарева 2002]. Помимо

7 Пример применения теории Бурдьё к развитию гендерных исследований см. в: [Ferreira, Coronel 2017].

8 См.: [Дашкова 2003; Ушакин 2000; Эдлэм 2009; Liljeström 2016; Posadskaya 1994].

9 И это несмотря на тот факт, что в самом начале 2000-х годов российские ученые очень положительно относились к включению гендерной истории и гендерных исследований вообще в российские вузовские программы; см.: [Хасбулатова 2001].

прочего, Пушкарева настаивала на том, что популяризация женской и гендерной истории необходима для постепенного преодоления сексистских тенденций в российской академии. В то же время она пыталась связать женскую и гендерную историю с феминистской повесткой. Связь эта, как будет показано, ослабла в процессе институционализации указанного поля.

В своей программной статье Пушкарева предлагает писать учебники по женской и гендерной истории, чтобы новые поколения историков могли узнавать об этих областях. Кроме того, говорит она, важно организовать в России активный обмен между специалистами по женской и гендерной истории, и это требует новых механизмов академического обмена и новых институций. В тот же год, когда вышла настоящая статья, для интенсификации этого обмена была создана крупнейшая в России профессиональная организация специалистов по женской и гендерной истории — РАИЖИ [Там же]. Более двадцати лет ее возглавляет сама Пушкарева. Были и другие ученые, ответственные за проект РАИЖИ и в разное время входившие в состав правления или активно участвовавшие в работе организации (среди них Ольга Шнырова, Марианна Муравьева, Валентина Успенская, Анна Белова, Наталья Мицюк, Зинара Мухина и др.)¹⁰. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, где Наталья Пушкарева работала с 1980-х годов, приютил эту инициативу в своих стенах.

По собственным воспоминаниям, Пушкарева начала писать о женской истории в конце 1970-х годов. Не зная на тот момент о существовании такого поля, тему и фокус для работы она выбрала скорее интуитивно, изучая повседневную жизнь женщин Древней Руси. Ее первая статья на эту тему появилась в 1983 году в одном российском журнале [Пушкарева 1983], а первая книга — в 1989-м [Пушкарева 1989]. Работы Пушкаревой заложили основы направления в 1990-е годы. В настоящее время исследовательница разрабатывает и другие темы в области женской и гендерной истории, например руководит проектами о малоизвестных женщинах-ученых в российской науке и об истории медиализации деторождения и ухода за детьми в России (см.: [Нестеренко 2017]).

Очень важным для формирования профессиональной идентичности Пушкаревой и направления в целом был тот факт, что уже в 1980-е годы исследовательница получила возможность работать с иностранными публикациями и даже стажироваться за границей, где впервые познакомилась с литературой по истории женского движения [Там же]. В 1990-е Пушкарева стала одной из важнейших фигур в создании и продвижении женской и гендерной истории в России. С самого начала возглавляя РАИЖИ и в настоящее время играя ключевую организаторскую роль, по сути она остается лицом ассоциации с ее ежегодными конференциями, представляя ее в медиа и выступая автором предисловий к сборникам материалов этих конференций. Сегодня РАИЖИ функционирует как Российский комитет в Международной федерации исследователей женской истории, а Пушкарева — президент РАИЖИ и, соответственно, этого комитета.

В 2008 году Минюст РФ зарегистрировал РАИЖИ как межрегиональное общественное объединение. Современная деятельность РАИЖИ по большей

10 Некоторые из них учились у Натальи Пушкаревой или защищали диссертации под ее руководством. Другие основали в России региональные школы женской и гендерной истории.

части сосредоточена на организации большой ежегодной конференции по женской и гендерной истории, которая проводилась без перерывов начиная с 2008 года¹¹, и публикации ежегодного сборника материалов конференции. Кроме того, ассоциация создала библиографическую онлайн — базу данных «Женская и гендерная история России»¹². Судя по этим материалам, ежегодная конференция РАИЖИ кажется созданной по образцу крупных американских конференций, организуемых профессиональными ассоциациями. За первые два года в конференциях РАИЖИ поучаствовали до сотни человек [Пушкарева и др. 2008], а более поздние конференции всегда привлекали более ста участников. Юбилейная конференция 2012 года в Твери насчитывала 26 секций с более чем 350 докладами, став крупнейшим событием в истории конференций РАИЖИ [Белова и др. 2012]. Благодаря конференциям стало возможным собрать ученых из локальных центров гендерных исследований и женской истории, например ивановского, самарского, тверского, Санкт-Петербургского и др. Без сомнения, конференции РАИЖИ — главные научные события в сфере российской женской и гендерной истории. С учетом их размаха они стали мощным инструментом легитимации женской и гендерной истории в России.

Как видно из материалов конференций, в число их участников входили российские исследователи из разных университетов и исследовательских центров со всей страны. Иностранные ученые участвуют не так часто, а большинство иностранных выступающих — из бывших республик СССР. Что до российских участников, то, хотя конференция именуется исторической, состав ее участников междисциплинарный. Сама Пушкарева, собственно, работает в Институте этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая¹³. Каждый год конференция проходит в новом городе, как правило в европейской части России, выбор обусловлен наличием исследовательских центров или научных групп, с которыми уже установлены контакты. Характерно, что до 2015 года организаторы активно сотрудничали с иностранными фондами и объединениями, например Фондом Фридриха Эберта, Фондом Розы Люксембург, Ассоциацией женщин в славистике и др. С 2015 года ссылки на эти фонды и профессиональные организации почти исчезли из сборников и с веб-сайта. Очевидно, причиной тому закон об «иностранных агентах», который ограничивает зарубежное финансирование российских некоммерческих организаций.

Обычно названия конференций были настолько широкими и инклюзивными, насколько возможно (см. таблицу). Это позволило сделать конференцию площадкой для обсуждения разных исторических периодов, а также современного положения дел. В то же время следует отметить, что каждая конференция допускала доклады по темам, которые не соответствовали основной; это позволило почти безгранично расширить круг участников. Впоследствии материалы к соответствующим конференциям публиковались — чаще всего в двух, а порой и в трех томах. Всего с 2008 по 2019 год вышло 24 тома таких материалов. Начиная с третьей конференции сборники снабжаются коротким предис-

11 В 2020 году организаторы отменили конференцию из-за пандемии COVID-19, но выпустили сборник со всеми запланированными презентациями.

12 <http://www.rarwh.ru/baza/index1.html> (дата обращения: 12.02.2021); на данный момент сайт базы не работает.

13 Изначально Пушкарева планировала работать в исторических институтах, однако, по ее воспоминаниям, ее тема и пол сделали это невозможным; см.: [Боровикова 2002].

словием, в основном авторства Пушкаревой, но иногда в соавторстве с другими исследователями — обычно из того города, где конференция проводилась.

Теперь, обозначив важность РАИЖИ как главного агента легитимации женской и гендерной истории в России, я обращусь к стратегиям такой легитимации. Опираясь на сборники материалов, выпущенные в 2008—2019 годах (то есть с первой по последнюю конференцию из тех, что проходили в офлайн-режиме до пандемии коронавируса), я обрисую стратегии, использованные РАИЖИ для легитимации этой дисциплины в российской науке и российской публичной сфере. Показательно, что они отличаются от очерченных в упомянутой ранее стратегической статье Натальи Пушкаревой [Пушкарева 2002], что также указывает на напряжение между теорией и практикой легитимации новой научной области.

3. Легитимирующие стратегии РАИЖИ

Мой анализ 24 сборников материалов выявил пять основных стратегий легитимации женской и гендерной истории в России:

- 1) апелляция к охвату;
- 2) апелляция к географии;
- 3) апелляция к связи с условным Западом;
- 4) попытка установить практическое значение женской и гендерной истории;
- 5) попытка показать ее связь с классическим наследием гуманитарных и социальных наук.

Первая стратегия, апелляция к охвату, относится к объему материалов: в каждом выпуске опубликовано более сотни статей, каждая около 2—5 страниц длиной. Более пристальный взгляд показывает: ни конференции, ни материалы не придерживаются жестких критериев отбора материалов. Женская и гендерная история — термин скорее зонтичный, распространяемый на самые разные доклады и статьи. В предисловиях к сборникам 2010 года и более поздним (то есть начиная с третьей конференции), автор — Пушкарева — подчеркивает важность дискуссии между феминистскими исследователями и теми, кто не использует в своей работе методы феминистской теории и гендерных исследований, и даже теми, кто вообще выступает против них¹⁴. Это стремление к плюрализму мнений и тому, чтобы ученые с разными позициями встречались в одном пространстве, представляется еще одной причиной вольного отбора участников конференции и авторов статей¹⁵.

Выступления на конференциях были по-настоящему разнообразны по теме, методу и языку. В одном и том же сборнике можно найти работы о древнеримской литературе [Павлов 2008], британском суфражизме [Вершинина

14 См., например: [Пушкарева 2010].

15 Идеи важности диалога между исследователями с разными позициями и плюрализма мнений внутри гендерных исследований я также обнаружила в работах других российских авторов, например в: [Хоткина 2020] и др. Вместе с тем авторы некоторых текстов относятся к расширительному пониманию гендерных исследований на постсоветском пространстве критически; см., в частности: [Гапова 2007]. См. также круглый стол, где эта конкретная проблема обсуждается российскими специалистами по гендерным исследованиям [Воронцов 2010].

2008], истории женского образования в Республике Коми [Бондаренко 2008] и торговле женщинами в современной Южной Корее [Ерохина 2008]. Встречаются и яркие примеры работ, которые едва ли можно квалифицировать как исследовательские, например манифест в защиту возвращения традиционного распределения семейных ролей в современной Чечне [Абдулвахабова 2016] или тяготеющие к эссеистике рассуждения о том, как жены, свекрови и тещи главенствуют в российских семьях и притесняют мужчин [Курашов 2017]. История семьи, история детства, история старения и даже история животных [Солодянкина 2011] — иными словами, разные виды социальной истории — все это включено в материалы по «женской истории». Наконец, призыв Пушкаревой включать как феминистских, так и нефеминистских исследователей открыл эти сборники и для эссенциалистских и антифеминистских статей, таких как короткая заметка 2016 года, посвященная совместной работе преподавателей и студентов над антиабортным видеопроектом [Полякова, Дорофеева 2016].

При всей подчеркнутой инклюзивности в предисловиях также все время подчеркивался размах этих конференций: «Уникальность конференций РАИЖИ состоит в их огромной масштабности» [Пушкарева и др. 2018: 13]. Поэтому возникает впечатление, будто организаторы пытались увеличить число участников из желания продемонстрировать вовлеченность сотен российских специалистов в женскую и гендерную историю и показать, что связанные с РАИЖИ ученые работают во всех крупнейших университетах.

Вторая стратегия, использованная организаторами конференции, заключалась в демонстрации широкой географии конференции любыми возможными способами¹⁶. Это проявилось в том факте, что конференции каждый год перемещались в новый город, а также в особом желании, выраженном в предисловиях к сборникам, акцентировать число ученых из разных городов, представивших свои результаты на конференции. Как и в рамках первой стратегии, ментальная карта институций, где преподается женская история, включала не только такие крупные центры, как Санкт-Петербург и Москва, но и небольшие города вроде Нальчика (конференция 2013 года) или Старого Оскола (2015).

Третья стратегия продвижения женской истории связана с постсоветской спецификой — постоянно подчеркиваемой связью с «обобщенным Западом», которую исследователи наделяют большой значимостью: феномен, который, собственно, очевиден на примере всех социальных и гуманитарных наук в России [Savelieva 2020: 259—260]. Хотя в конференциях участвовали сравнительно мало иностранных ученых, организаторы всячески стремились подчеркнуть, что их мероприятие — часть глобального сообщества признанных исследователей. Эта попытка также согласуется с личной стратегией Пушкаревой. Изначально ее международная репутация была более благоприятной, чем на родине, — факт, пригодившийся ей для продвижения в РАН [Нестеренко 2017]. Впоследствии эта стратегия не только использовалась специалистами по гендерной истории, но и стала частью стратегии РАИЖИ как российского комитета Международной федерации исследователей женской истории. До принятия закона об «иностранцах-агентах» конференции получали поддержку из-за рубежа, о чем сообщалось в сборниках; однако в России конца 2010-х эта стратегия оказалась проблематичной, особенно после присоединения Крыма.

16 Эта стратегия также обсуждалась другими научными обществами в разных странах, например: [Miskell 2013].

Четвертая стратегия легитимации — утверждение важности женской истории для государства — особенно важна. Используемая с самого начала, она также создала для РАИЖИ пространство адаптации к недавнему консервативному повороту в путинской России. Предисловия организаторов и доклады участников акцентировали практическое значение гендерных исследований, подчеркивая, что соответствующая научная деятельность (даже если ее предметом служит прошлое) важна как для правительства, так и для некоммерческих организаций, поскольку способствует развитию законов и социальных программ для женщин и детей. Некоторые материалы содержат специфически бюрократическую лексику и отсылки к тем или иным «государственным стратегиям» и другим нормативно-правовым документам. Женская и гендерная история преподносится как вид прикладных исследований, чья ценность не исчерпывается приращением знания или феминистским «эмпауэрментом», что роднит российские гендерные исследования с риторикой ранних работ по женской и гендерной истории в США [Davis, Scott 1985].

Следующий пример показывает, как сильно на какое-либо поле и его внутреннее развитие могут влиять внешние факторы¹⁷. В случае с женской и гендерной историей в России видно: по мере усиления консервативных тенденций в российской внутренней политике внешние по отношению к этой дисциплине обстоятельства постепенно все больше влияли на ее содержание. Важно отметить, что момент, когда РАИЖИ и организаторы конференций начали демонстрировать особое значение своей дисциплины для государственной политики, совпадает с моментом, когда они перестали подчеркивать свою связь с иностранными организациями, в частности после принятия закона об «иностранных агентах».

В самих докладах ученые постоянно обращались к текущим политическим событиям и правительственным документам. Связь между сферами гендерной истории и политики — и желание установить такую связь — видны на уровне названий конференций. Так, конференция 2015 года была посвящена женщинам в военных конфликтах и явно отсылала к 70-й годовщине Великой Победы СССР над фашистской Германией. (День Победы чрезвычайно важен для современной российской пропаганды, как и другие нарративы, связанные с Великой Отечественной войной [Scherbakowa 2010].) Между тем сама тема военного противостояния едва ли случайно возникла в названии конференции 2015 года, спустя год после начала военного конфликта между Россией и Украиной. Пытаясь критически смотреть на военную агрессию со стороны России, авторы предисловия к сборнику 2015 года подчеркивали важность мирного урегулирования конфликта, а также пытались рассуждать об этих вопросах в нейтральном ключе, избегая опасных высказываний [Пушкарева и др. 2015: 8—13]. Очевидно, что стратегия эта не является прямым некритическим приятием российского внутривосточного дискурса и прерогатив, а скорее балансирует между официально «предписанным» языком и критическими высказываниями, что в целом характерно для деятельности РАИЖИ.

Пятый и последний способ утверждения женской и гендерной истории как полноценного научного направления — часто упоминаемый в текстах презентаций — состоял во включении отсылок к «непререкаемым» классикам, на-

17 См., в частности: [Бурдьё 2002].

пример к текстам, которые уже получили статус авторитетных в российских социальных и гуманитарных науках¹⁸. Например, статья об экологических правах женщин начинается с отсылки к Максиму Веберу — несмотря на то что работы философа были далеки от этой темы [Карпенко 2008]. В то же время российские специалисты по женской и гендерной истории пытались показать: история женщин не является чем-то новым в нашем контексте, ее саму можно называть классикой исторических исследований в России. Некоторые российские авторы прослеживали ее историю вплоть до XIX века, а также утверждали, что продолжают старую советскую традицию книг о великих женщинах (например, революционерках) в СССР [Юкина 2003].

Вышеописанные стратегии легитимации расширяют поле женской и гендерной истории и включают в него сферы, связанные с ним лишь косвенно. Негативной стороной этого процесса становится недостаточное развитие теоретического языка дисциплины, а также ее размывание. Например, в материалах конференций слово «гендер» используется для обозначения всего, что связано с женщинами, семьей и социальной историей¹⁹. В некоторых случаях «гендер» употребляется как синоним слова «пол»²⁰. При таком подходе любые исследования, имеющие хотя бы косвенное отношение к женской и гендерной истории, трактуются как ее часть. Одновременно с этим некоторые важные вопросы феминистских исследований, например вопрос гендерно обусловленных отношений власти, попросту исчезают из научной дискуссии²¹.

4. От феминизма к академии: появление новых способов легитимации гендерных исследований

За последние несколько лет в России наметилась еще одна стратегия легитимации женских и гендерных исследований. Если подход РАИЖИ отдавал предпочтение развитию непосредственно в научной сфере и заключению альянсов внутри нее, то новое поколение российских специалистов по женской и гендерной истории выбирает несколько иную стратегию продвижения, тесно связанную с меняющейся медийностью феминизма. Поскольку тенденция эта недавняя, сейчас невозможно оценить, допустимо ли ее вообще сравнивать со стратегиями РАИЖИ. Но это указывает на важную перемену как в отношениях

18 Хотя это напоминает, быть может, о повсеместных упоминаниях Маркса в советской научной литературе, в случае с гендерной историей пул классических авторов не является ни ограниченным, ни жестко предписанным, как до 1989 года; это скорее часть постсоветского академического габитуса.

19 Похожее наблюдение о гендерных исследованиях также высказывается в: [Temkina, Zdravomyslova 2003].

20 Такое употребление слова «гендер» весьма типично для российских гендерных исследований в целом. Как пишут Темкина и Здравомыслова, в России «гендер» превратился в расплывчатый зонтичный термин, объединяющий как феминистские обсуждения, так и консервативно-охранительные представления о семье и половых ролях [Temkina, Zdravomyslova 2003: 56].

21 По Темкиной и Здравомысловой, похожая ситуация опять-таки наблюдается во всех российских гендерных исследованиях, которые часто рассматриваются как «пренебрегающие вопросом концептуализации гендера в аспекте власти» [Temkina, Zdravomyslova 2003: 60]. Сергей Ушакин описывает эту ситуацию как пример «терминологической имитации», характерной для «колониального сознания» [Ушакин 2002: 16–17].

внутри академии и за ее пределами, так и в той роли, которую начинают играть российские медиа и соцсети в процессе создания научной репутации.

Подстегнутая акциями «Pussy Riot» начала 2010-х²², в России продолжает развиваться новая волна феминистского движения. В российском обществе крепнет интерес к гендерным проблемам [Россман 2020], набирают популярность блоги феминистской тематики. Например, Ника Водвуд, самая известная российская феминистка-блогер на YouTube, и Саша Митрошина, одна из самых популярных феминисток России в Instagram²³, имеют соответственно почти 500 тысяч и 3 миллиона подписчиков²⁴. Современные феминистские блогеры и активисты пишут не только о политической борьбе, но и о гендерных исследованиях. Они организуют ридинг-группы и образовательные мероприятия, посвященные гендерным исследованиям, в том числе по женской и гендерной истории. Так, все большую аудиторию привлекает ежегодная «Сентябрьская неделя женской истории»: фестиваль с целыми сериями образовательных событий. В 2021 году он прошел в четырех городах России: Санкт-Петербурге, Томске, Новосибирске и Челябинске. Среди внеинституциональных академических и образовательных проектов по гендерным исследованиям в более широкой рамке можно упомянуть, например, «FEM TALKS», «Утопический кружок», «Freie Frauen», образовательный фестиваль «We-Fest». Автор этого текста и сама соорганизовывала подобные проекты, например независимый семинар «ГИФТ» («Гендерные исследования и феминистская теория») в Высшей школе экономики, когда на программах факультета гуманитарных наук еще не было возможности слушать полноценные курсы по гендерным исследованиям.

Новое поколение специалистов по гендерной истории чаще приходит к таким исследованиям из низового активизма и профеминистских кругов, узнавая об этой повестке из медиа, феминистских мероприятий и социальных сетей, а не из академической среды²⁵. Такие молодые исследователи, как Алиса Клоц, Ира Ролдугина, Александра Талавер, Лена Смирно (Елена Смирнова), Анна Сидоревич, Ася Ходырева и другие, пришли к женской, гендерной и квир-истории от активизма или имеют с ним прочную связь. Все они не только пишут кандидатские диссертации, публикуют научные статьи и участвуют в академических конференциях, но и ведут блоги и телеграм-каналы, пишут статьи для СМИ, организуют образовательные мероприятия и даже сотрудничают с политическими партиями²⁶.

Занимаясь исследованиями, некоторые из этих молодых ученых поддерживают контакты с активистскими кругами. Свое исследовательское поле они легитимируют через связи с активизмом, независимыми инициативами, медиа и блогами, где делятся своими результатами с широкой публикой, тем самым утверждая собственную экспертную позицию. В университетах и исследова-

22 О группах «Pussy Riot», «Femen» и о вызванной ими новой волне активизма на постсоветском пространстве см.: [Channell 2014].

23 Компания Meta признана экстремистской организацией в России.

24 На момент окончания оригинальной версии данной статьи. — Примеч. Э.Р. к переводу.

25 Этот вопрос исследует Дарья Комягина, работы которой готовятся к публикации.

26 Это наблюдение было актуально в период написания оригинальной версии статьи (2020 год). К моменту подготовки публикации перевода часть исследовательниц сосредоточились на учебе и построении карьеры в зарубежных академических пространствах. Некоторые из них теперь даже противопоставляют себя популярным проектам и медийной работе. — Примеч. Э.Р. к переводу.

тельских центрах, которые теперь начинают постепенно обращаться к массовой аудитории, эту позицию начали принимать лишь недавно. В условиях, когда деятельность гендерных исследователей до сих пор не имеет полноценного финансирования и не поддерживается большинством коллег, подобное утверждение авторитета и накопление социального капитала в пространствах за пределами академии зачастую служит единственно возможной стратегией для занятия такого рода исследованиями.

Похожие процессы упоминал в книге «О телевидении» Бурдьё, описывая влияние телевизионной журналистики на поле науки. Он показал, что, когда интеллектуалов начали активно приглашать на телешоу, то научные карьеры стали строить не только те ученые, у которых была хорошая репутация среди коллег, сколько наиболее популярные среди широкой публики. Вместе с развитием телевидения появился обходной путь в науке: карьеру можно было построить благодаря популярности у публики, которая не разбирается в методах исследований и предпочитает демагогию. Бурдьё считал, что ученый, приобретающий медийную популярность, впоследствии сможет использовать ее для манипуляции университетским сообществом [Бурдьё 2002].

Описанный процесс Бурдьё оценивал отрицательно, полагая, что интеллектуалам не следует появляться на телевидении. С его точки зрения, автономия поля науки — это и ценность, и условие, необходимое для производства нового знания²⁷. Однако пример женской и гендерной истории в современной России показывает: в идеологически неблагоприятном контексте консервативного поворота схема, которую Бурдьё обличал, может стать основой для научной инновации. Эволюция гендерных исследований в России в контексте цифровой эпохи практически не изучена²⁸ и остается интересной темой для дальнейшего анализа.

5. Выводы

Анализ процессов легитимации женской и гендерной истории позволяет выделить два разных набора стратегий и два разных представления о том, чем должна быть женская и гендерная история. Общим и для РАИЖИ, и для нового поколения пришедших из активизма историков является шаткий статус в российской академической и политической системах, но способы их взаимодействия с политикой сильно разнятся. При этом социальные медиа, как показывает последняя глава, играют все более важную роль в преодолении маргинального статуса женской и гендерной истории: они создают новые возможности для переноса академического авторитета внутрь научного поля из-за его пределов.

Процесс становления женской и гендерной истории в 1990-е годы и ее институционализация в 2000-е проходили в условиях двойной маргинализации. В российской исторической науке места для таких исследований практически не было, а другие дисциплины не проявили особого интереса к женской и ген-

27 Любопытно, что в то же время Бурдьё поддерживал деятельность публичных интеллектуалов и сам являлся таковым.

28 В нескольких относительно недавних текстах новая цифровая эпоха в развитии российских гендерных исследований обозначена, но не проанализирована подробно. См., в частности: [Хоткина 2020: 29; Titarenko, Zdravomyslova 2017: 137].

дерной истории. Не было и заметного социально-политического запроса: лишь немногие политики, журналисты или правозащитники готовы были поддерживать это поле, а основной интерес (и деньги) исходил из-за рубежа. Несмотря на расцвет плюрализма и интерес к новым дисциплинам и подходам в 1990-е годы, в академии 2000-х инновации стали постепенно сходить на нет в контексте нового консервативного поворота во внутренней политике.

Невзирая на эти условия, российские специалисты по женской и гендерной истории сумели выработать стратегии последовательной легитимации своей дисциплины, хотя в 2000-е годы некоторые ученые уже не верили, что в России возможно создать новые институты вокруг гендерных исследований [Воронина 2007: 176]. РАИЖИ и ее регулярные конференции стали важнейшим инструментом продвижения женской и гендерной истории, следуя отчетливым стратегиям, лавирующим между наукой и политикой. Как показано в настоящей статье, эти стратегии привели к парадоксальному процессу: число ученых, выступающих на конференциях РАИЖИ, публикующих свои материалы и тем самым становящихся частью этого научного сообщества, росло, но само поле теряло тематико-эпистемологическую связность. В результате женская и гендерная история стала в России неким расплывчатым всеобъемлющим полем, что идет вразрез с видением ее создателей. В случае с РАИЖИ связь с феминистским движением, давшим начало исследовательскому полю, ослабла, а язык этой области переориентировался с языка политического активизма на язык правительственного нарратива.

Заявившее о себе в конце 2010-х годов новое поколение специалистов по женской и гендерной истории выбирает, кажется, фундаментально иную стратегию. Они хотят быть эксплицитно феминистскими в своей работе и остаются весьма устойчивыми в этом намерении. Но в то же время многие молодые исследователи, сознавая, что их работа будет отвергнута, не пытаются встроить ее в существующие российские академические институты. Вместо этого они создают собственные независимые инициативы и используют социальные сети и медиа для популяризации своих идей среди широкой публики. Мы присутствуем при изменении того, как в российской женской и гендерной истории формируется экспертиза, и нам еще только предстоит увидеть, как эта новая логика дисциплинарного развития будет работать в будущем.

Авториз. пер. с англ. Нины Ставрогиной

Библиография / References

- [Абдулвахабова 2016] — *Абдулвахабова Б.* Родительская повседневность в чеченской традиционной семье: идеалы и практика // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13—16 октября 2016 года, Смоленск. Т. 1 / Под ред. Н. Пушкаревой, Е. Кодина, Н. Мицок и М. Каиля. М.; Смоленск: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук; Изд-во Смоленского государственного университета, 2016. С. 161—164.

- (*Abdulvakhabova B. Roditel'skaya povsednevnost' v chechenskoy traditsionnoy sem'e: idealy i praktika // Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur: Materialy' Devyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZh i IEA RAN, 13—16 oktyabrya 2016 goda, Smolensk. Vol. 1 / Ed. by N. Pushkareva, E. Kodin, N. Mitsyuk and M. Kail'. Moscow; Smolensk, 2016. P. 161—164.*)
- [Белова и др. 2012] — Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2012 года, Тверь: В 2 т. / Под ред. А. Беловой, О. Курго, Н. Пушкаревой, И. Титовой. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2012.
- (*Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen: Materialy Pyatoy nauchnoy konferentsii RAIZh i IEA RAN, 4—7 oktyabrya 2012 goda, Tver': In 2 vols / Ed. by A. Belova, O. Kurto, N. Pushkareva, I. Titova. Moscow, 2012.*)
- [Бондаренко 2008] — *Бондаренко О.* Женское образование в Республике Коми (XIX — нач. XXI века) // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравьевой и Н. Новиковой. СПб.: Алетейя, 2008. С. 32—34.
- (*Bondarenko O. Zhenskoe obrazovanie v Respublike Komi (XIX — nach. XXI veka) // Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Murav'eva and N. Novikova. Saint Petersburg, 2008. P. 32—34.*)
- [Боровикова 2002] — *Боровикова В.* Наталья Пушкарева: Я сама себе подам пальто! (Интервью) // Вечерняя Москва. 2002. 6 марта.
- (*Borovikova V. Natalia Pushkareva: Ya sama sebe podam pal'to! (Interview) // Vechernyaya Moskva. 2002. March 6.*)
- [Бурдье 2002] — *Бурдье П.* О телевидении / Пер. с фр. Т.А. Анисимовой // Бурдье П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 17—88.
- (*Bourdieu P. Sur la télévision // Bourdieu P. O televidenii i zhurnalistike. Moscow, 2002. P. 17—88. — In Russ.*)
- [Вершинина 2008] — *Вершинина Д.* Вклад семьи Панкхерст в женское движение Великобритании: оценка современников и историков // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравьевой и Н. Новиковой. СПб.: Алетейя, 2008. С. 47—49.
- (*Vershinina D. Vklad sem'i Pankkherst v zhenskoe dvizhenie Velikobritanii: otsenka sovremennikov i istorikov // Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Murav'eva and N. Novikova. Saint Petersburg, 2008. P. 47—49.*)
- [Воронина 2007] — *Воронина О.* «Английский рецепт» для российских гендерных исследований // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 174—178.
- (*Voronina O. "Angliyskiy retsept" dlya rossiyskikh gendernykh issledovaniy // Gendernye issledovaniya. 2007. № 15. P. 174—178.*)
- [Воронцов 2010] — *Воронцов Д.* Что же такое гендерные исследования чего бы то ни было? Крутлый стол // Гендерные исследования. 2010. № 19. С. 70—91.
- (*Vorontsov D. Chto zhe takoe gendernye issledovaniya chego by to ni bylo? Roundtable discussion // Gendernye issledovaniya. 2010. № 19. P. 70—91.*)
- [Гапова 2007] — *Гапова Е.* Классовый вопрос постсоветского феминизма, или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 144—164.
- (*Garova E. Klassovyy vopros postsovetskogo feminizma, ili ob otlvchenii ugnetennykh ot revolyutsionnoy bor'by // Gendernye issledovaniya. 2007. № 15. P. 144—164.*)
- [Дашкова 2003] — *Дашкова Т.* Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003.
- (*Dashkova T. Gendernaya problematika: podkhody k opisaniyu // Istoricheskie issledovaniya v Rossii-II. Sem' let spustya / Ed. by G. Borduygov. Moscow, 2003. P. 203—245.*)

- [Ерохина 2008] — *Ерохина Л.* Торговля женщинами в Южной Корее (контент-анализ южнокорейской прессы) // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравьевой и Н. Новиковой. СПб.: Алетей, 2008. С. 111—115.
- (*Erokhina L.* Torgovlya zhenshchinami v Yuzhnoy Koree (kontent-analiz yuzhnokoreyskoy presy // Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Murav'eva and N. Novikova. Saint Petersburg, 2008. P. 111—115.)
- [Зверева 2001] — *Зверева Г.* «Чужое, свое, другое»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2001. № 2. P. 238—278.
- (*Zvereva G.* "Chuzhoe, svoe, drugoe": feministskie i gendernye kontsepty v intellektual'noy kul'ture postsovetskoj Rossii // Adam i Eva: Al'manakh gendernoy istorii. 2001. № 2. P. 238—278.)
- [Здравомыслова 2010] — *Здравомыслова О.* Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России // Гендерные исследования. 2010. № 19. С. 121—128.
- (*Zdravomyslova O.* Gendernye issledovaniya kak opyt publichnoy sotsiologii v Rossii // Gendernye issledovaniya. 2010. № 19. P. 121—128.)
- [Карпенко 2008] — *Карпенко Е.* Экологические права женщин: сегодня или никогда // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравьевой и Н. Новиковой. СПб.: Алетей, 2008. С. 143—145.
- (*Karpenko E.* Ekologicheskie prava zhenshchin: segodnya ili nikogda // Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Murav'eva and N. Novikova. Saint Petersburg, 2008. P. 143—145.)
- [Кочкина 2007] — *Кочкина Е.* «Систематизированные наброски». Гендерные исследования в России: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 92—143.
- (*Kochkina E.* "Sistematizirovannye nabroski". Gendernye issledovaniya v Rossii: ot fragmentov k kriticheskomu pereosmysleniyu politicheskikh strategiy // Gendernye issledovaniya. 2007. № 15. P. 92—143.)
- [Курашов 2017] — *Курашов В.* Онтология семьи: псевдослабые и псевдосильные участники семейных драм // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7—10 сентября 2017 года, Архангельск. Т. 1 / Под ред. Н. Пушкаревой и Т. Трошиной. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2017. С. 234—239.
- (*Kurashov V.* Ontologiya sem'i: psevdoslabye i psevdosil'nye uchastniki semeynykh dram // Sila slabyykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem: Materialy Desyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 7—10 sentyabrya 2017 goda, Arkhangel'sk. Vol. 1 / Ed. by N. Pushkareva and T. Troshina. Moscow, 2017. P. 234—239.)
- [Нестеренко 2017] — *Нестеренко М.* «Я историк, и поначалу я боялась слова "феминизм"»: Наталья Пушкарева об истории женщин, сексуальных запретах и КГБ // Горький. 2017. 18 декабря (<https://gorky.media/context/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/> (дата обращения: 29.09.2020)).
- (*Nesterenko M.* "Ya istorik, i ponachalu ya boyalas' slova 'feminizm'": Natalia Pushkareva ob istorii zhenshchin, seksual'nykh zapretakh i KGB // Gor'kiy. 2017. December 18 (<https://gorky.media/context/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/>) (accessed: 29.09.2020).)
- [Павлов 2008] — *Павлов А.* Женщина и свобода (libertas) в исторической концепции Тита Ливия // Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравьевой и Н. Новиковой. СПб.: Алетей, 2008. С. 221—225.

- (Pavlov A. Zhenshchina i svoboda (libertas) v istoricheskoy kontseptsii Tita Liviya // Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Murav'eva and N. Novikova. Saint Petersburg, 2008. P. 221—225.)
- [Полякова, Дорофеева 2016] — Полякова О., Дорофеева И. Специфика социальной рекламы отказа от абортов // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13—16 октября 2016 года, Смоленск. Т. 2 / Под ред. Н. Пушкаревой, Е. Кодиной, Н. Мицок и М. Каиля. М.; Смоленск: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук; Изд-во Смоленского государственного университета, 2016. С. 55—57.
- (Polyakova O., Dorofeeva I. Spetsifika sotsial'noy reklamy otказа ot abortov // Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur: Materialy Devyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 13—16 oktyabrya 2016 goda, Smolensk. Vol. 2 / Ed. by N. Pushkareva, E. Kodin, N. Mitsyuk, and M. Kail'. Moscow; Smolensk, 2016. P. 55—57.)
- [Пушкарева 1983] — Пушкарева Н. Женщина в средневековом Новгороде XI—XV веков // Вестник Московского университета (Сер. 8. История). 1983. № 3. С. 78—89.
- (Pushkareva N. Zhenshchina v srednevekovom Novgorode XI—XV vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta (Ser. 8. Istoriya). 1983. № 3. P. 78—89.)
- [Пушкарева 1989] — Пушкарева Н. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.
- (Pushkareva N. Zhenshchiny Drevney Rusi. Moscow, 1989.)
- [Пушкарева 2002] — Пушкарева Н. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2—3. С. 32—37.
- (Pushkareva N. Istoricheskaya feminologiya, zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2002. № 2—3. P. 32—37.)
- [Пушкарева 2010] — Пушкарева Н. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51—64.
- (Pushkareva N. Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2010. № 2. P. 51—64.)
- [Пушкарева и др. 2008] — Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, 21—23 марта 2008 года, Санкт-Петербург / Под ред. Н. Пушкаревой, М. Муравевой, Н. Новиковой. СПб.: Алетейя, 2008.
- (Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda, 21—23 marta 2008 goda, Sankt-Peterburg / Ed. by N. Pushkareva, M. Muravyeva, N. Novikova. Saint Petersburg, 2008.)
- [Пушкарева и др. 2015] — Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8—11 октября 2015 года, Старый Оскол: В 3 т. / Под ред. Н. Пушкаревой, З. Мухиной, О. Миловой, С. Канькиной. М.; Старый Оскол: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук; СТИ НИТУ «МИСиС», 2015.
- (Zhenshchiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez voyn i voennykh konfliktov: K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne: Materialy Vos'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 8—11 oktyabrya 2015 goda, Staryy Oskol: In 3 vols. / Ed. by N. Pushkareva, Z. Mukhina, O. Milova, S. Kanyukin. Moscow; Stary Oskol, 2015.)
- [Пушкарева и др. 2018] — Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков: Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 года, Нижний Новгород: В 2 т. / Под ред. Н. Пушкаревой, Н. Гронской, Н. Радиной. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018.
- (Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy urbanizatsii XIV—XXI vekov: Materialy' Odinnadtsatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 4—7 oktyabrya 2018 goda, Nizhniy Novgorod. In 2 vols. / Ed. by N. Pushkareva, N. Gronskaya, N. Radina. Moscow, 2018.)

- [Россман 2020] — *Россман Э.* Другое 8 марта: Как новые феминистки борются за возвращение изначального смысла праздника // Новая газета. 2020. 7 марта (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/07/84218-drugoe-8-marta> (дата обращения: 29.09.2020)).
- (*Rossman E.* *Drugoe 8 marta: Kak novye feministki boryutsya za vozvrashchenie iznachal'nogo smysla prazdnika* // *Novaya gazeta*. 2020. March 7 (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/07/84218-drugoe-8-marta> (accessed: 29.09.2020)).)
- [Савкина 2007] — *Савкина И.* Факторы раздражения: О воспитании и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 207—229.
- (*Savkina I.* *Faktory razdrzheniya: O vospriyatii i obsuzhdenii feministской критики i gendernykh issledovaniy v russkom kontekste* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. № 86. P. 207—229.)
- [Солодянкина 2011] — *Солодянкина О.* Лошадь и собаки в жизни русского дворянина: частное vs публичное // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20—22 октября 2011 года, Ярославль. Т. 2 / Под ред. Н. Пушкаревой, Н. Новиковой, М. Муравьевой. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2011. С. 83—86.
- (*Solyodankina O.* *Loshadi i sobaki v zhizni russkogo dvoryanina: chastnoe vs publichnoe* // *Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyy aspekt: Materialy Chetvertoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 20—22 oktyabrya 2011 goda, Yaroslavl'*. Vol. 2 / Ed. by N. Pushkareva, N. Novikova, M. Muravyeva. Moscow, 2011. P. 83—86.)
- [Ушакин 2000] — *Ушакин С.* Гендер (напрокат): полезная категория для научной карьеры? // Гендерная история: pro et contra / Под ред. М. Муравьевой. СПб.: Нестор-История, 2000. С. 34—39.
- (*Oushakine S.* *Gender (naprokat): poleznaya kategoriya dlya nauchnoy kar'ery?* // *Gendernaya istoriya: pro et contra* / Ed. by M. Muravyeva. Saint Petersburg, 2000. P. 34—39.)
- [Ушакин 2002] — *Ушакин С.* «Человек рода он...»: знаки отсутствия // О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 12—20.
- (*Oushakine S.* *"Chelovek roda on...": znaki otsutstviya* // *O muzhe(N)stvennosti* / Ed. by S. Oushakine. Moscow, 2002. P. 12—20.)
- [Филиппов 2001] — *Филиппов А.* Фукоизация всей страны // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 74—75.
- (*Filippov A.* *Fukoizatsiya vsey strany* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. № 49. P. 74—75.)
- [Хасбулатова 2001] — *Хасбулатова О.* Гендерным исследованиям в системе высшего образования России — десять лет // Женщина в российском обществе. 2001. № 1—2. С. 2—14.
- (*Khasbulatova O.* *Gendernym issledovaniyam v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii — desyat' let* // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2001. № 1—2. P. 2—14.)
- [Хоткина 2020] — *Хоткина З.* Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 26—37.
- (*Khotkina Z.* *Rossiyskim gendernym issledovaniyam 30 let: retrospektiva i perspektivy* // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2020. № 2. P. 26—37.)
- [Эдлэм 2009] — *Эдлэм К.* Feminism не переводится: российские гендерные исследования и межкультурный перенос в 90-е и далее / Пер. с англ. К. Беляева // Гендерные исследования. 2009. № 19. С. 203—230.
- (*Adlam C.* *Feminism, Untranslated: Russian Gender Studies in the 1990s and the Cross-Cultural Transfer* // *Gendernye issledovaniya*. 2009. № 19. P. 203—230. — In Russ.)
- [Юкина 2003] — *Юкина И.* Новая история женщин России // Истории женского движения и феминизма в России (1850-е—1920-е годы / Под ред. И. Юкиной. СПб.: Алетейя, 2003. С. 525.
- (*Yukina I.* *Novaya istoriya zhenshchin Rossii* // *Istorii zhenskogo dvizheniya i feminizma v Rossii (1850-e—1920-e gody)* / Ed. by I. Yukina. Saint Petersburg, 2003. P. 525.)
- [Ash 2019] — *Ash M.* Interdisciplinarity in Historical Perspective // *Perspectives on Science*. 2019. Vol. 27. № 4. P. 619—642.
- [Bourdieu 1976] — *Bourdieu P.* Le champ scientifique // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1976. № 2—3. P. 88—104.
- [Channell 2014] — *Channell E.* Is Sextremism the New Feminism? Perspectives from Pussy Riot and Femen // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. № 4. P. 611—614.
- [Davis, Scott 1985] — *Davis N.Z., Scott J.W.* Women's History as Women's Education. Northampton, MA: Smith College Library, 1985.
- [Dmitriev 2014] — *Dmitriev A.* The Cunning of Memory: Soviet University and Its Post-Communist Condition // *History of Education and Children's Literature*. 2014. Vol. 9. № 1. P. 269—286.

- [Ferreira, Coronel 2017] — *Ferreira M.O.V., Coronel M.C.V.K.* About the Legitimation of Gender Studies in the ANPEd // *Educação e Pesquisa*. 2017. Vol. 43. № 3. P. 815—831.
- [Garstenauer 2018] — *Garstenauer T.* Gender and Queer Studies in Russia // *Sociology of Power*. 2018. Vol. 30. № 1. P. 160—174.
- [Liljeström 2016] — *Liljeström M.* Constructing the West/Nordic: The Rise of Gender Studies in Russia // *The Geopolitics of Nordic and Russian Gender Research 1975—2005* / Ed. by U. Dahl, M. Liljeström, and U. Manns. Stockholm: Södertörn University, 2016. P. 133—173.
- [Miskell 2013] — *Miskell L.* Meeting Places: Scientific Congresses and Urban Identity in Victorian Britain. Farnham: Ashgate, 2013.
- [Posadskaya 1994] — *Posadskaya A.* Women's Studies in Russia: Prospects for a Feminist Agenda // *Women's Studies Quarterly*. 1994. Vol. 22. № 3/4. P. 157—170.
- [Pushkareva 2014] — *Pushkareva N.* Gendering Russian Historiography [Women's History in Russia: Status and Perspectives] // *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field* / Ed. by M. Muravyeva and N. Novikova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 2—15.
- [Savelieva 2020] — *Savelieva I.* An (Imagined) Community: The Translation Project in the Social Sciences and Its Impact on the Scientific Community in Post-Soviet Russia // *Translation in Knowledge: Knowledge in Translation* / Ed. by R.G. Sumillera, J. Surman, and K. Köhn. Amsterdam: Benjamins, 2020. P. 249—268.
- [Scherbakowa 2010] — *Scherbakowa I.* Zerrissene Erinnerung: Der Umgang mit Stalinismus und Zweitem Weltkrieg im heutigen Russland. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.
- [Stichweh 1984] — *Stichweh R.* Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen: Physik in Deutschland 1740—1890. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1984.
- [Temkina, Zdravomyslova 2003] — *Temkina A., Zdravomyslova E.* Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences // *Studies in East European Thought*. 2003. № 55/1. P. 51—61.
- [Titarenko, Zdravomyslova 2017] — *Titarenko L., Zdravomyslova E.* Gender Studies: The Novelty at the Russian Academic Scene // *Sociology in Russia: A Brief History* / Ed. by L. Titarenko and E. Zdravomyslova. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 125—140.